

2.11.2012 г.

«Ведь читал, читал, Станислав! И что-то из Вашей “Невмы” — знаю.

И в “посылках” Кабанкова, и в нет-нет присылаемых “передачках” Светланы Кековой. Но там, словно из милости, они мне пространство для дыхания оставляли. Прочитал, пережил да и отдохни.

Больно плотны стихи напряжением духа и сердца. А тут Вы навалились, и я и вздохнуть не могу, и бросить — тоже. Словно мы оба под епитрахилью оказались, и Бог весть кто кого исповедует — я ли Вас, Вы ли меня. Такой горячий задышливый шепот.

Не “во ушью”, а прямо в сердце. Слава Богу, нет-нет перебьется дыхание “песнью песней”, плотью и страстью, вспомнишь свою “плоть человечу”, вылетишь “на улицу”, поглядишь незряче

на прохожего человека, как на диковину, да и обратно в храм — спасаться от этого уличного видения или от самого себя. И сам-то уж наловчился прятаться от себя, накидывать какую-никакую одежонку, а Вы все вон “нагишом”, и меня заставляете ряженье-то оставить, а как Господь сложил со всею тьмою в душе, так и вставать перед Ним, потому что иначе ее не выжжешь и не выведешь. С непривычки-то чижало.

Но, спаси Бог, бьюсь с Вами у святых мощей, мокну под оптинскими дождями, “макаюсь” в Шамординские воды, ищу “камушек” в Дивееве и светаю понемногу. Но еще читать и читать. Пока в половине бреда.

Благодарю и обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

6.11.2012 г.

«Пришли, пришли книги-то, Станислав!

И так верчу, и этак — не верю! Пошарил, было, глазами в поисках автографа, а потом вспомнил, как сам много лет назад в совершенно отчаянном положении понес букинистам пяток книжек в чаянии дожить на них до зарплаты (сын маленький болел, лекарств не было, а я получал в корректорах пятьдесят рублей “чистыми”).

А у меня книжки-то и не взяли: “Испорчены они у Вас”, — говорят. А “испорчены” они были автографами В. Астафьева, В. Конецкого, Б. Окуджавы (сами-то “портильщики” мне разрешили — “раз прижало”). С той поры и сам стараюсь “не портить” — а то вдруг человека прижмет, а ему и не укрепиться дружеской книгой, как куском хлеба, в крайний момент.

Спасибо. Теперь можно и “по-человечески” почитать, и людям показать.

Слава Богу, отозвался и брат Георгий Кабанков, а то уж не знал, что и думать. Привяжешься сердцем, а потом вот и думай. Благодарю и обнимаю. Ваш В. Курбатов».

28.12.2012 г.

«Вон че делается, дорогой Станислав — опять ведь Новый год!

К старому не успел привыкнуть, наглядеться на него не успел, а уж вот пожалуйте — Новый! Ну что ж, “откупорим шампанского

бутылку и перечтем “Женитьбу Фигаро” (уж не “иль”, как у Александра Сергеевича, а “и”, потому что порознь-то, чтобы перемочь эту спринтерскую гонку годов, ни шампанского, ни “Женитьбы” не хватит. Вместе надо брать — “больше одной пары в руки не давать!”).

И раз со старым счастьем не очень получилось, пожелаем друг другу нового и обманемся еще раз.

Поклон и поздравление Ане. Ваш В. Курбатов».

25.06.2014 г.

«Простите, Станислав Александрович, не ответил тотчас, потому что только сегодня воротился из Иркутска, где восемь лет провожу писательские встречи. Начали почти шутя, а народ втянулся, и вот уже восемь лет полный зал академического театра с бельэтажем и балконом слушает целый вечер одного литератора.

Трудно поверить, но уже четвертый год слушает за деньги — билеты покупают.

На этот раз возил Владимира Ильича Толстого и Евгения Водолазкина. Умничали напропалую. А потом два дня бездельничали на Байкале в пирах и купаниях. Без новостей и телевизора. Воротились румяные и толстые. И уж теперь от мира не спрячешься. Откроешь телевизионное окошко, и сразу становится стыдно жить.

Фотографии Ваши прекрасны, и лица родные. Как прижмет, открою и обниму Вас, и опять можно идти потихоньку дальше. Спасибо.

Ваш В. Курбатов».

6.01.2015 г.

«Дорогой Станислав!

А ведь Рождество! Боюсь и спрашивать, каково оно в Харькове? До колядок ли? Впрочем, Он ведь и рождался не для одного света и не умел освободить нас от печали и свободы, хотя тайну бессмертия знал.

Мир накануне Господня Рожденья
Тих и таинствен, нигде ни движенья.
Ночь замерла, ибо всходит звезда
Прямо над сердцем Марии и Сына,
В небе волхвов и в пастушьих долинах,
Мир разделяя на «нет» и на «да»...
В небе звезда молодая играет,
В яслях Младенца волы согревают
Нежным дыханьем, и Дева глядит,
Как Её Сын над землею светает...
Завтра Он встанет и мир победит,
Будет поруган людьми и убит.
Пусть Он подольше об этом не знает...
...Господи, тише, Дитя Твоё спит!

С Праздником!
Света Вам и покоя!
Ваш В. Курбатов».

28.02.2015 г.

«Дорогой Станислав! Я уже попадал с Патриаршей премией.

Даже получил ее, но все это совершенная случайность. Во всяком случае, мою книгу, я уверен, никто не читал — обманулись географией (Псков все-таки!) и именем книжки (“Батюшки мои”), а прочитали бы, так, пожалуй, и расстреляли у храмового забора.

Конечно, такая Премия — большая защита на местном уровне. А Вам она тем более важна в Вашем сегодняшнем обстоянии, но тут тем более важно “не попасться” (чтобы не получить Премию в политической окраске).

Все время мы под угрозой быть разыгранными в чужие карты. Хотя сам уже готов написать разные “открытые письма” в защиту Путина, потому что вижу, как бесстыдна заварившаяся вокруг него каша.

Никогда, кажется, не было более трудного для русского литератора времени — никак своего имени в чистоте не удержать. Можно быть предельно искренним, но эта искренность в чужом контексте уже ангажирована.

Старый человек, я с утра гляжу на свои книжные полки и даже не могу вместе с Александром Сергеичем сказать: “Прощайте, друзья мои”, потому что и самих “друзей” столько раз ставили в ложные контексты, что они почти позабыли свои первоначальные глаголы.

Простите мне это брюзжание. Я изо всех сил желаю Вам победы в конкурсе. И если не окончательной, то хоть “короткого списка” (потому что он тоже защитит Вас), но все-таки примем вызов времени и будем учиться быть людьми (иногда кажется, что эта честь выпадает нам впервые — так загоняет нас время).

Пока я и сам не знаю, что это такое “быть людьми”, но бессознательно слышу. Отец Серафим (Тяпочкин), наверно, бы улыбнулся нашим тревогам, но мы не зря ездим к нему, потому что меняется только одежда нашего страдания, а существо остается то же — страдание.

Помоги Вам Бог! И всем нам!
С любовью Ваш В. Курбатов».

11.04.2015 г.

«Дорогой Станислав! Все не приду в себя после смерти
В. Г. Распутина.

Мы сорок лет были вместе, и я временами только за него и держался, когда отчаяние обступало от нечистоты дня. Сегодня как-то особенно остро-лично слышу:

“Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь”.

Ведь подлинно каждый день — сей! Каждый назван и узнан в лицо как единственный.

“Очистим чувства и узрим неприступным светом Воскресения Христа блистающая, и радуйтесь рекуща ясно да услышим победную поюще Воскресения день и просветимся торжеством, и друг друга обьемем”.

Очистим, очистим, хотя уж иногда кажется, что мир и мы сами столько натащили в наши “чувствия” неотмываемого, что все наши духовные “гигиенические” поползновения тщетны.

А все-таки “обьемся” и не оставим надежды.

Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов».

31.12.2015 г.

«Дорогой Станислав! А Вы в окно-то давно выглядывали?

У нас уж вон волхвы вышли с дарами смиренны, алоэ и золота (кротости, любви и бессмертия) и Вифлеемская звезда уже взошла над елкой, чтобы вести нас к свету Рождества.

Подпояшемся, и вперед! И опять поверим, что “возсия миру свет разума”, хотя мир изо всех сил торопится погасить этот свет.

И все-таки света и света!

Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов. И Александр Сергеич с няней».

18.01.2016 г.

«Глас Господень на водах вопиет, глаголя: приидите, примите вси Духа премудрости, Духа разума, Духа страха Божия...”

Как же! Так мы и разбежались, ведь потом с этим Духом премудрости, разума и страха Божия надо сразу иначе жить и отвечать за каждое слово и поступок.

А мы лучше сходим “за водичкой”, отметимся, и живи себе дальше...

А Глас все вопиет и вопиет и “секира все при корене”, а мы вперед, за батюшкой-прогрессом.

И с каждым днем безумнее.

Простите, дорогой Станислав, за такое неловкое поздравление.

Да усталость к радости не пускает, хотя все еще и подставляюсь под Иорданскую воду Крестителя.

Ваш В. Курбатов».

3.02.2016 г.

«Дорогой Станислав! Ира Ушакова переслала мне Вашу “Снить”, и я радуюсь ей во всякую свободную минуту. Экая какая свободная уличность и какая свобода в церкви! И какая любовь!

А я, грешный, вроде все время в церкви, но все никак угла себе там не найду. Все мне “интеллектуальные” попы попадают, все без простоты и жизни.

Только и утешаюсь в службе чтением Апостола на Литургии, да канонов на всенощной — только в них и находишься “по водам”, наглядись на человеческую неисчерпаемость, да надышишься простотой и глубиной.

А Вы вон идете себе в посконной рубахе от села к селу, поете Лазаря, славите Господа Сил самыми родными глаголами, будто и без выбора, а прямо первыми, что под рукой. И все Вам родные, и будто и не посвящения пишете, а молитесь о каждом с улыбкой и радостью быть рядом.

Вот и я за спиной у Вас хожу от двора ко двору и всем потихоньку кланяюсь — Юре Кабанкову, Ирине Евсе, Павлу Крюкову, Светлане Кековой, и они мне сквозь Вас кивают с улыбкой...

Спаси, Осподи, за счастье единства.

Ваш В. Курбатов».

4.02.2016 г.

«Эх, жалко — пропустил Ваше старое сочинение про наши Псковские святыни.

Даже вон, оказывается, про храм Иоанна Предтечи писали. Я отдал ему восемнадцать лет. Отнимал его у Советской власти, вывозил горы мусора, хоронил черепа расстрелянных (и наши, и “ихние” любили расстреливать в храмах — стены толстые, тихо — “никого не беспокоят”), писал эпитафию на кресте в приделе с молитвой о жертвах иноземного и отечественного насилия (немцы расстреливали большевиков, большевики до этого — матушек этого монастыря), читал там шестопсалмие и Апостол, даже умствовал по благословию после того, как походил дорогами апостола Павла и знал, какое солнце пекло ему лысину в Галатии, какие камешки кололи ступни в Пиерии. А потом храм стал подворьем Крыпецкого монастыря, и уж тут не до общины — там заботы другие. Надобность во мне отпала, и я пошел искать приюта по другим храмам, и все вот пока нигде намертво не прилеплюсь — все уже стало гладкое, позабыло святую начальную бедность и горение.

И эх, бы поглядел стихи-то Ваши на “Метель” (я знаю варианты Стаса Золотцева, Ларисы Гонченко). Слава Богу, успел посидеть с Георгием Васильевичем на его дачке в Дарьино, даже и две пластинки увезти с автографами, немного писал об этом. И скоро еще, Бог даст, чего-то наговорю о нем и Гаврилине по “Культуре” (канал снимал весной прошлого года четыре передачи моих мемуарий с именем “Нечаянный портрет” — они все есть в Интернете.

Теперь вот разохотились и просят еще четыре, а я уж задыхаюсь от сердечной недостаточности, и ритор из меня плохой).

Русский человек с “видом на жительство” в России — стыд и горечь. И что-то пока не похоже, что мир собирается образумиться... Обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

5.02.2016 г.

«1.

Пока “примеряю” — включаю Свиридовский Романс и вчитываюсь в Ваш текст. Пытаюсь даже запеть, как Георгий Васильевич — страшным голосом, за которым он слышал небесные звуки Образцовой, и нет-нет звал Эльзу Густавовну, чтобы она послушала тот или иной чудный переход, да бедная Эльза Густавовна затыкала уши, чтобы не слышать этого хрипа, потому что не умела “подставить воображением” образцовские нежности.

По глубине замечательно — как это ляжет на голос?

Спасибо и за статью об Ивановском храме. Я ведь был там первым старостой и сам стеклил окна и клал с товарищами полы — каменные в притворе и деревянные в храме.

Штукатурил стены под фрески отца Андрея, образцы брали из древних синайских.

И в одной из фресок при входе, где “народ Божий”, есть и мой портрет той поры, так что я скитаться-то скитаюсь, но и не покидаю храма, в котором надеялся быть отпетым. А вот судьба поворачивается иначе.

Охо-хо... Ну пошел еще раз слушать Романс.

2.

Ваш текст — пел.

Я это, я на фреске, хотя начинал совсем не седым. Да и фреска-то эта из самых поздних — когда до притвора дело дошло. А черненький рядом со мной — Костя Обозный — спаситель памяти Псковской миссии, “сменщик” мой в Апостоле и шестопсалмии. И “девчонки” наши — из певчих.

А уж какое спасибо за Свиридова! Вот уж бонус так бонус. Я, к сожалению, слышал его, когда голос уже совсем был непослушен ему, а он-то слышал вот этот — действительно лучший,

поточнее всех образцовых. Вот уж где подлинно все до звука согласно — текст, музыка, исполнение.

Вот и буду теперь утешаться, а заодно, может, утешу и тех, кто будет снимать на “Культуре” мои мемории, если до этого дело дойдет — стал стремительно сдавать и был бы рад, если бы они отступились. Но у них “план”, и они невольники.

Пойду представлю, как бы Георгий Васильич.

Обнимаю.

Ваш бедный представитель народа Божия».

30.04.2016 г.

«Дорогой брат Станислав!

Совсем скоро — по бесконечной России в разный час — встанет иерей, владыка, патриарх перед закрытой дверью храма и воскликнет: «Да воскреснет Бог!» — и мы, войдя, не увидим Плащаницы, покрывавшей тело Спасителя. «Что ищете Живаго с мертвыми?» И подхватим Ангельскую песнь чистым сердцем. Господи, хоть бы на этот час действительно чистым, которым однажды и будет спасен мир. «И ненавидящих нас простим вся воскресением». И ненавидящих больше не будет, и мы впервые за историю и теперь уже навсегда «друг друга обьемем», чтобы сказать с полнотою веры: «Христос Воскресе!» — и поверить, что теперь навсегда Он «ад умертви блистанием божества» и смерти больше не будет.

Как просто! Как трудно! Но зачем-то нам еще даны дни жизни... Обнимемся!

Христос Воскресе!

Ваш В. Курбатов».

17.05.2016 г.

«Дорогой брат!

На Празднике в Михайловском мне придется вести круглый стол, который я думаю посвятить вызовам, которые бросают русской культуре не “басурмане” даже, а свои ребята, глумящиеся, в особенности в театре, над русской классикой всеми возможными способами.

Называться стол будет “Моцарт и Сальери” или “Фигляр

и Алигьери”, потому что “фигляры” полощут всю и самого Александра Сергеевича, и Достоевского, и Толстого.

В Ленком в Москве блистает педофил князь Тьмышкин, грезящий о пятилетней Настасье Филипповне. В Александринке в Питере Иван Александрович Хлестаков “отдирает” на сцене дочку городничего под завистливые взгляды мамы, которая торопится поменяться с дочкой ролями. Теперь этого “добра” на полстраны. Вот и попробуем поговорить. А то они уж очень безнаказанны, и зритель думает, что и мы туда же.

Обнимаю Вас. Бог даст, до скорой встречи в Михайловском.
Ваш В. Курбатов».

9.06.2017 г.

«Не был я на Празднике, дорогой Станислав.

Начальство попросило “не лезть”. А я, бедный, предлагал набить меня соломой и выставить в центре Поляны — “он был на всех пятидесяти Пушкинских праздниках поэзии”. То-то была бы инсталляция. А если бы еще пришить на пузо красную кнопку, чтобы каждый мог нажать на нее, я бы мог говорить голосами Андроникова, Дудина, Смелякова и других ведущих Праздника в разные годы. И это уже был бы перформанс, и Александр Сергеевич легкой походкой вошел бы в первые ряды нынешних пост-модернистов. Эх-х, не согласились.

А серьезно, предлагал позвать поэтов, родившихся в перестройку, и предпослать эпиграф из Александр Сергеевича “Ужель мне скоро тридцать лет?” и следующей его строкой — “Так, полдень мой настал...”

И пусть бы эти ребята доказали, что их “полдень” настал и они готовы принять эстафету пушкинской ответственности перед русской поэзией.

Но сказали, что это очень “умно” и сузит Праздник. Как и предложенный мною “круглый стол”, посвященный столетию революции — “Между одой “Вольность” и “Клеветникам России”, чтобы господа поэты поняли: где они там помещаются и куда более клонятся — к “вольности” или к силе служения. Тоже сказали: нечего смущать поэтов. Вот я и не поехал впервые за пятьдесят один год.

Праздным зрителем быть не умею.

С благодарностью, Ваш В. Курбатов».

22.08.2017 г.

«Значит, сердце еще не умерло, раз мы умеем окликать друг друга, не ведая о “датах”. И у меня “депрессняк” — старик депрессняк повадился в Россию.

Сегодня вот как раз отказывался от жюри премии “Ясная Поляна”:

ВСТУПЛЕНИЕ К ОТСТУПЛЕНИЮ

Друзья мои! Преклонные лета
Зовут меня проститься с нашим кругом.
В былые дни я смел быть вашим другом,
Но пройдена заветная черта.
Ещё я тщусь увидеть и понять
И новый день, и новые законы,
Но день от дня всё явственней препоны:
Мои «фиты» и «юсы», «ер» и «ять».
Плюсквамперфект на знамени моём,
Футурум цвай горит на флагах ваших.
Обнимемся и с нежностью споём
Прощальный гимн былым сиденьям нашим.
Уже и в рифме слышится порог:
Все эти «ваши-наши» — право, стыдно.
Пусть это только нам и будет видно,
Мне самому неловко — видит Бог...
Но что поделатъ — век неумолим.
Я новый день всё меньше понимаю,
И права за собой судить его не знаю,
И потому прощаюсь с богом с ним.
Но и простясь, я знаю, будем мы
Под небом Ясной бережно едины.
По-разному на Божий мир глядим мы,
Но в дружестве навеки сведены.
И в Михайловское отписал — Василевичу — о тоске и одино-

честве:

Тоска... Что делать нам во Пскове? Я встречаю
жену, несущую мне утром чашку чаю,
вопросами: “Что дождь? Идёт?” — “Идёт...”
О, Господи, доколе
Ты будешь нас держать
в печали и неволе?
И-и, милый мой, а что бы ты хотел?
Грешить и не страдать? Да за твои “заслуги”
тебя и вовсе надо бы связать,
чтоб не летал кузнечиком по свету,
а рос душой в тиши или служил поэту —
хоть Пушкину, который боле связан,
хоть и не Мне оковами обязан.
А ты, вишь, лишь неделю
на дождик поглядел
и уж тоской измучен.
Сиди, дурак, пиши друзьям “емелю”.
Хоть так ты будешь Мной сидению научен...

И у Вас как близко — печаль (смерть матушки — моя ушла
двадцать лет назад, а все сердце не заживает) и замужество до-
чери — матушка-жизнь все учит нас равновесию. Да ученики
мы плохие.

С любовью Ваш В. Курбатов».

28.12.2017 г.

«Получил, получил книжку, брате!

Как Виктор-то Петрович Астафьев, бывало, шутил: “Как ни бо-
лела, а померла” — как ни терялась книжка, а вот нашлась. Второй
день читаю-читаю да и переверну Ваши «Райские отсветы...», по-
гляжу на имя автора. Ведь книжка-то моя! Моя! И герои все мои.

Про всех писал (художников, поэтов — и именно про этих
и с той же любовью). Как, оказывается, можно близко видеть
мир! Спасибо! ...

А на дворе-то уж Новый год, который приходит год от года

все торопливее. Ну, куда, скажите на милость, он так спешит, не давая наглядеться на ускользящий день, и зачем так торопится переменить числительное. Уж не обновка ли это для него, по которой тоскует его ребячье сердце.

И уж вон — и Рождество Христово, сулящее нам, в отличие от Нового года, свет и бессмертие. Чуть переменим тропарь: “Воссияй миру свет разума!” Пора бы уж и правда этому разуму воссиять, а то все как дети неразумные.

С нежностью обнимаю Вас. Ваш В. Курбатов».

7.04.2018 г.

«С Благовещением, брате! И Христос Воскресе!

Как тесно, как трудно. Гроб Христов стоит еще посреди храма, а Архангел Гавриил летит над ним возвестить Марии рождение вот этого плащаницею обвитого Ее мертвого Сына. Иголку не просунешь в этой вечности. Время навсегда отменено, и старушка Смерть — без работы.

Так ей и надо!

Обнимемся. С любовью Ваш В. Курбатов».

27.04. 2019 г.

«“Воскресения день, и просветимся торжеством и друг друга обьемем... и ненавидящим нас простим вся воскресением...”. Авось и они нас простят и обымут. Правда, с ними, говорят, надо обниматься в бронежилетах.

Христос Воскресе, дорогой брат Станислав! Завтра-то уж избегаюсь, так вот тороплюсь сегодня похристосоваться. И эх бы найти случай обняться прям так.

Ваш В. Курбатов».

29.12.2019 г.

«Но-вы-ый го-о-д настае-от!

И опять отчего-то больше хочется ворчать, чем восклицать.

Ишь настаеет он, “с наступающим!” Наступает и наступает, а мы пятимся и пятимся. И еще заискиваем. А нет чтоб сказать: «Встанем как один, скажем: “Не дадим!”»

И пусть он побудет нами с нашим вечным ожиданием ка-

кой-то таинственной полноты, которая не будет подгонять нас. Ни нашей, ни его заслуги нет в его новизне.

Он просто дан — чего его поощрять-то? Как всякий очередной день.

Правда есть только во второй части восклицания: «С новым счастьем!».

Тут хоть слышна благодарность Господу за ежедневное счастье быть, за Его дар нам, дуракам.

Это после Рождества можно ликовать, что вот опять нам даровано спасение, опять нам отпущен новый год нашей возможности сделаться Господними детьми, хотя мы уже знаем, что нам опять что-то (кроме нас самих) помешает на пути устроения души.

Ладно, разумничался он тут.

Обнимемся, Станислав, и опять в труд дня, в счастье повседневной скуки и вечного беспокойства, что опять не успели того и вон того.

В счастье жить! И надеяться еще повидаться.

Ваш старый, как уходящий год, Курбатов».